

Немцы в произведениях русских писателей-классиков

Политический режим царской России был поразительно похож на фашистский режим современной Германии. Как сказал товарищ Сталин, «по сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме». Неудивительно поэтому, что по закону взаимного притяжения сходных элементов в царскую Россию устремлялись «на ловлю счастья и чинов» как раз наиболее злободневные немцы, из тех отбросов немецкой нации, генеалогия которых восходит еще к немецким «псам-рыбарям» и которые ныне пробивались к власти в самой Германии, составив «кадры» немецкого фашизма. Привечаемые русскими царями (которые, начиная с Петра III, сами были в сущности немцами), эти немецкие карьеристы становились в России министрами, шефами жандармов, губернаторами, крупными бюрократами, и в этих ролях много зла причинили они русскому народу.

Среди убийц Пушкина, заклеянных Лермонтовым («А вы, надменные потомки известной подлостью прославленных отцов...»), видное место занимали немцы, равно как «ведущее» место занимали они и среди носителей «голубых мундиров», заклеянных тем же Лермонтовым.

Развернутую характеристику пресловутого графа Бенкендорфа и его ближайшего помощника генерала Дубельта дал Герцен в «Былом и думах». С присутствием ему

блестящим мастерством портретной живописи он так запечатлел внешность Дубельта: «Черты его имели что-то волчье и даже лисье, то-есть выражали тонкую смысленность хищных зверей, вместе уклончивость и заносчивость... Лукавая морда Рейнеке Фукса». В знаменитом стихотворении «Моя родословная» Пушкин с гневной брезгливостью отмежевывался от потомков беглых солдат «немецких пудренных дружин».

Помимо «высокопоставленных» немцев, в царской России проживало под их покровительством много безвестных немецких лихоюев, которые паразитировали на теле русского народа, пили из него кровь и всячески измывались над ним в качестве помещиков и их управляющих, чиновников, фабрикантов, домовладельцев и проч. Это были немцы меньшего масштаба «деятельности», но не менее вредоносные в своей совокупности, нежели царские фавориты из остзейских баронов, и их образы (вернее, образины) то и дело мелькают в произведениях русских писателей. В «Невском проспекте» Гоголя фигурирует некий Шиллер — «не тот Шиллер (дукаво оговаривается Гоголь), который написал «Вильгельма Теля»..., но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице». Несмотря на оскромность своей профессии, этот немец был полон высокомерного презрения ко всему русскому и если удостоивал жить в Петербурге, то

только потому, что мечтал здесь разбогатеть.

В «Войне и мире» Л. Толстого выведен немец-пошляк в лице зятя Ростовых — Берга, который в 1812 году «занимал все то же покойное и приятное место помощника начальника штаба помощника первого отделения начальника штаба второго корпуса». В грозные дни эвакуации Москвы, когда русские люди бросали все свое добро, лишь бы не остаться во власти неприятеля, и когда каждый думал не о своем, а об общем, этот субъект продолжал под шумок приумножать свое мешанское благополучие, скупая «по случаю» такие вещи, как «шифоньерочка» и «туалет с английским секретом».

В романе Тургенева «Накануне» есть сцена, когда компания русских мужчин и женщин, проводившая время на пикнике под Москвой, подверглась наглým приставаниям со стороны пьяных «краснорожки» немцев, один из которых стал требовать, чтобы понравившаяся ему «фрейлейн» дала ему один «поналүйшик». Заступившийся за девушку Инсаров наградил нахала полновесным ударом, от которого тот полетел в пруд, обнаружив при этом отвратительную трусость, равную его нахальству.

Среди угнетателей русского крестьянства, выведенных в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», особенно выделяется управляющий одного помещика немец Фогель, который «до нитки разорил» корешков крестьян, своей методической жестокостью довел их до того, что однажды,роя по приказанию немца колодезь, они столкнули его туда и на отчаянные его вопли «девятью лопатами отвелили ему».

Немецкие «фрау», попадавшие в царскую Россию, не уступали немецким «гендам» по своим моральным качествам. Достаточно вспомнить омерзительных немок из романа Достоевского «Преступление и наказание»: «содержательнице публичного дома Луизу Ивановну и квартирную хозяйку Мармеладовых — Амалию Ивановну Липпенвехзель, которая все кичилась тем, что ее «фатер аус Берлин буль» очень, очень важны шеловек и обе рук по карману ходил и все делал этак: пуф! пуф!»

В книге Салтыкова-Щедрина «За рубежом» есть воображаемый разговор между немецким «мальчиком в штанах» и русским «мальчиком без штанов». Первый всячески превозносится над вторым, кичится перед ним своей — «старинной культурой, солидной наукой, блестящей литературой, свободными учреждениями» и между прочим корит его «господином Колупаевым», обеляя при этом аналогичную немецкую персону — «господина Гехта» (немецкое слово «гехт» значит «щучка»). Русский мальчик дал кичливому собеседнику замечательную отповедь. Он сказал ему: «Что Колупаев! С Колупаевым мы сочтемся... это верно! Давай-ка лучше об немцах говорить. Правду ты сказал: есть у вас и культура, и наука, и искусство, и свободные учреждения, да вот что худо: к нам-то вы приходите совсем не с тем, а только чтоб пакостничать. Кто самый бессердечный притеснитель русского рабочего человека? — немец! Кто самый безжалостный педагог? — немец! Кто вдохновляет произвол, кто служит для него самым неутомимым и всегда готовым орудием? — немец! И заметь, что, сравнительно, ваша наука все-таки второго сорта, ваше искусство — тоже, а ваши уч-

реждения — и подавно. Только зависть и жадность у вас первого сорта, и так как вы эту жадность произвольно смешали с правом, то и думаете, что вам предстоит слопать мир. Вот почему вас везде ненавидят, не только у нас, но именно везде. Вы под'езжаете с наукой, а всякому думается, что вы затем пришли, чтоб науку прекратить; вы указываете на ваши свободные учреждения, а всякий убежден, что при одном вашем появлении должна умереть всякая мысль о свободе. Все вас боится, никто от вас ничего не ждет, кроме подвоха. Вот вы, сказывают, Берлин наставу отстроили, а никому на него глядеть не хочется. Даже свои «об'единенные» немцы — и те тошнит от вас, «об'единителей». Есть же какая-нибудь этому причина!»

Великий русский сатирик с гениальной проницательностью предвидел, куда шла современная ему официальная Германия, зараженная шовинизмом и одержимая преступным стремлением к мировому господству: каждое слово приведенной тирады попадает не в бровь, а в глаз современному немецкому фашистам.

Двадцать четыре года тому назад трудящиеся нашей страны, руководимые партией Ленина — Сталина, сбросили с себя иго отечественных Колупаевых и проныкавших к нам из-за рубежа немецких Гехтов. И ныне, когда целые орды этих немецких разбойников, направляемые обер-бандитом Гитлером, вторглись в священные пределы нашей свободной родины, советский народ, предводимый великим Сталиным, расправится с ними по-русски, истребив немецких оккупантов всех до единого.

Н. ПРЯНИШНИКОВ.